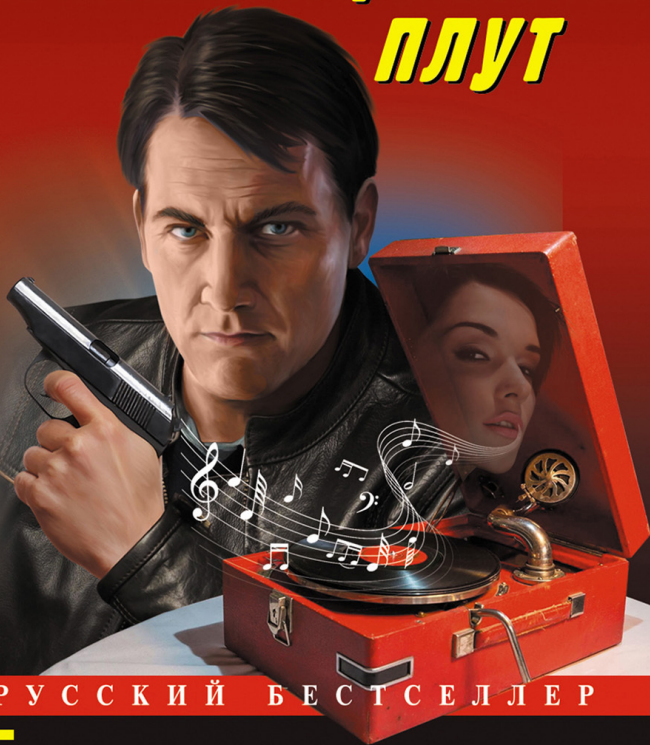

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

АНТИКВАРНЫЙ ПЛУТ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Алексей Викторович Макеев
Николай Иванович Леонов
Антикварный плут
Серия «Полковник Гуров»
Серия «Черная кошка»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69645688
Антикварный плут: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-192039-5

Аннотация

Еще одна книга легендарного тандема Леонов – Макеев.

Умер пожилой ученый Олег Журин, старый знакомый полковника Гурова. На первый взгляд, смерть выглядит естественной. Однако при вскрытии в крови покойного обнаружено странное сочетание несовместимых между собой лекарств в больших дозах. Сыщик выясняет, что после смерти жены ученый увлекся молодой пассией. Та на допросе призналась, что, действительно, хотела женить на себе богатого старика, но гибели его не желала. Гуров устанавливает слежку за квартирой Журиных и однажды вечером замечает в их окне свет и знакомый силуэт... покойной жены ученого...

Николай Леонов, в прошлом следователь МУРа, не понаслышке знал, как раскрываются самые запутанные уголовные дела. Поэтому каждая его книга – это правдивая захватывающая история с непредсказуемой интригой и неожиданным финалом. Главный герой этих книг, полковник Лев Гуров – сыщик высокого класса, к тому же с массой положительных человеческих качеств. Его уважают друзья, боятся враги и любят женщины. Он – настоящий отечественный супермен. Романы о Льве Гурове вот уже сорок лет неизменно привлекают поклонников отечественного детектива.

Содержание

Глава 1	11
Глава 2	43
Конец ознакомительного фрагмента.	64

**Алексей Макеев,
Николай Леонов
Антикварный плут**

© Макеев А.В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

АНТИКВАРНЫЙ

ПЛУТ

МОСКВА

2023

Седая сгорбленная старуха в пышном вечернем платье с открытыми плечами стояла у окна. Тонкие черты, спутанные кудри в высокой прическе, крупные украшения на дряблой шее и отвисших от старости мочках. Она стояла так уже несколько часов, ожидая его. От холодного стекла и без того бледное лицо стало синеватым, а обнаженные плечи вздыбились вверх. Но она знала точно, что он придет, не может не прийти к ней. И когда внизу остановился автомобиль и высокий крупный мужчина хлопнул дверцей, а потом застыл с окаменевшим взглядом при виде черно-белого силуэта в окне, она подняла руку в длинной бархатной перчатке и поманила его к себе – я жду. Тот сделал шаг, другой. Неуверенные, полные страха глаза. И иссиня-бледная рука, затянутая в черное, поманила его снова – иди. Из машины выскочила темноволосая женщина, обняла своего спутника, удерживая на месте. Она что-то торопливо говорила ему, тянула за рукав обратно в безопасное пространство машины. Ее взгляд в ужасе метался от бледного призрака за мутным стеклом, который никак не растворялся в сгущающихся сумерках, к застывшему лицу мужа. Все попытки остановить его были напрасными. Мужчина покачал головой, аккуратно снял изящную руку со своей груди.

– Она не причинит мне вреда, поверь. Живая или мертвая. Она любила меня как родного, как часть своей семьи. Поэтому обещаю, все будет хорошо. Подожди меня в маши-

не.

И он зашагал уже уверенно и быстро к знакомой двери подъезда, по ступеням, которые хранили тысячи невидимых отпечатков его шагов много лет назад. Память помнила каждую ступеньку, пятьдесят стремительных шагов – и он окажется у родной до единого пятнышка двери. За ней его ждет не смерть и не опасность, а тепло семьи, почти семьи.

Глава 1

Робкий стук в дверь вырвал Льва из размышлений. Оперативник по особо важным делам полковник Гуров был азартен в каждом своем расследовании, поэтому всегда с головой уходил из реальности в собственные мысли, пытается представить картину совершенного злодеяния в деталях. Он только поднял взгляд от бумаг, как в дверном проеме уже торчала вихрастая голова новенького сотрудника отдела уголовного розыска – лейтенанта Веснина. Парнишка, неловко переминаясь с ноги на ногу, робко залепетал:

– Лев Иванович, простите, можете посоветовать? Извините, если не вовремя, я попозже. Вы только скажите.

Лев Иванович Гуров, хоть был опытным оперативником с огромным стажем, работу свою по-прежнему обожал. Именно поэтому все новички отдела по особо важным делам рано или поздно оказывались на его пороге. Лев с упоением вникал в детали не только своих уголовных дел, а еще всегда охотно приходил на помощь коллегам, отвечая на вопросы, подсказывая версии или давая направление в оперативно-разыскной деятельности. Каждый сотрудник знал: если есть трудный, неразрешимый вопрос, то в кабинете с номером 05 два профессионала, Лев Гуров и его напарник Станислав Крячко, найдут ответ. Вот и сейчас Лев доброжелательно кивнул парню – заходи, рассказывай. Он понимал,

что все-таки тот в отделе служит уже третий месяц и немного нахватался искусства расследования преступлений, следовательно, положение действительно трудное и молодому оперативнику нужен совет.

– Рассказывай, Валера, – память услужливо подсказала имя паренька, которое регулярно звучало на планерках в кабинете их общего начальника, генерала Орлова.

Тот заторопился изложить суть просьбы:

– Понимаете, мне в производство дали глухаря, настоящего глухаря. Вернее, там все понятно, даже вскрытие подтвердило, что человек скончался от сердечного приступа, то есть причина смерти естественная. Но вот эта следовательно, – парень даже понизил голос от робости перед строгим следователем, с которой ему угораздило работать в паре, – Зубарева, она требует, чтобы я еще версии отработал, перед тем как дело в отказ отправить. А какие могут быть версии?! Я уже голову сломал, там зацепиться не за что совершенно. Пенсионер, лет ему много, умер от сердечного приступа, все ведь понятно и просто. Ну зачем время терять?! Да мне не жалко, я бы сделал. Для опыта, так сказать. Только что сделать? Зубарева говорит – другие версии проверь, а какие? У меня их нет.

Валерка беспомощно развел руками, в одной из которых была зажата скудная стопочка из листов протоколов. Лев Иванович молчал, пока парнишка сумбурно делился накипаевшими эмоциями, понимая, что тому для начала на-

до сбросить негативный груз. Сам так же тяжело переживал до сих пор неудачи в работе, но возраст научил его выплескивать стресс в спортзале на занятиях по единоборствам или оставлять эту тяжесть в любимом блокноте для записей. Раздражение и досада – плохие напарники во время расследования, они не дают взглянуть на факты трезвым умом, лишь толкают к ошибкам. В работе опера цена ошибок и неправильных версий – человеческая жизнь и свобода. Когда поток возмущения и вопросов без ответов стих, Лев протянул умиротворяюще:

– Наталья следователь опытный, просто так гонять не станет с поручениями, значит, есть у нее подозрения, что со смертью пенсионера не все в порядке. Бывает так иногда, знаешь, интуиция уже сработала, а вот фактов и улик еще не хватает, чтобы подтвердить мысль. Тут и начинается работа опера. Давай так. Рассказывай все обстоятельства дела, постарайся все детали вспомнить, пускай даже мелкие. Я вопросы буду задавать не для того, чтобы тебя подловить. Нет. Чтобы помочь найти другой угол видения ситуации. А потом вместе будем думать, что же можно сделать.

Валерий тряхнул тонкой папочкой с опросами свидетелей и осмотрами на выездных мероприятиях:

– К нам дело попало почти случайно, было подозрение на насильственную смерть из-за сильного шума перед обнаружением тела. Нашла соседка, и в полицию звонили другие жильцы, жаловались в тот вечер на громкие звуки. Когда

опрос проводили поквартирный, все соседи дали показания, что в момент смерти пенсионера из его квартиры доносились страшные крики, музыка громко играла и раздавался грохот. Это ночью почти было, около полуночи, так как много кто спал и проснулся из-за буйного пенсионера. Хотя он по всем характеристикам небуйный, непьющий, не замечали за ним раньше. – Валерка осекся, поняв, что ушел в размышления от рассказа о событиях. – Поэтому дело отправили нам на проверку. Ну, чтобы точно не насильственная смерть. Пока заключения о естественной смерти не было еще, я поквартирный опрос повторил. Жильцы говорят то же самое, новых фактов не обнаружено. Жил старик тихо, вдовец, непьющий, ученый бывший, когда-то работал в институте. В день смерти у него четверть часа в квартире стоял крик, грохот, как в аду, поэтому и возникли подозрения в убийстве. Только они не подтвердились, пришло заключение эксперта сегодня утром, что причина смерти – естественная, у Журина отказало сердце. Все-таки старику было уже за 80. Может быть, выпил, молодость вспомнил или телевизор громко смотрел с боевичком. Сделал погромче, не рассчитал, что поздно уже. Может, слышал плохо. Обычное объяснение громким звукам, никакого криминала. Конечно, это наша работа – убедиться, что смерть была точно ненасильственной, так ведь здесь криминалисты мое мнение подтвердили. Улик для другой версии нет совсем, да и нет у меня версии. Ну что еще могло произойти? Понятно же, что телевизор

громко смотрел, стало с сердечком плохо, может, кричать начал, о помощи просил. Пока услышали, пока в квартиру попали, уже поздно было. Что вот я Зубаревой еще выдумать должен? Ну крики, ну и что? У меня вот собака лает постоянно, а сосед так храпит, что стены дрожат, за стеной вечно ребенок орет, мы же полицию не вызываем.

Молодой лейтенант остановился, вдруг поняв, что опер его не слушает, уставившись в одну точку перед собой.

Полковник же с головой утонул в нахлынувших воспоминаниях при упоминании фамилии Журин. С ней были связаны тесно годы его юности, когда молодой парень Лева Гуров, будучи еще студентом юридического факультета, делал свои первые шаги в самостоятельную жизнь и снимал квартиру, чтобы насладиться прелестями новой взрослой жизни. Именно чета Журиных, Лидия и Олег Митрофанович, оказалась его соседями по площадке. Их возраст тогда приближался к пятому десятку, интеллигенты без детей и питомцев, они по-отечески заботились о молодом человеке по соседству. А Лева с удовольствием заглядывал почти каждый вечер после занятий к гостеприимным соседям. Едва ли не ежедневные ужины за дубовым столом в уютной гостиной, шахматные партии по выходным с внуком Журиных Максимом, билеты на модные выставки от Лидии Журиной, которая преподавала скульптуру в художественной школе. Сейчас опер на несколько секунд в своих мыслях вернулся в ту гостиную, где под зеленым абажуром за столом

с тяжелой бархатной скатертью Лидия и Олег внимательно слушают впечатления восторженного студента от очередной лекции по криминалистике, спрашивают о новом романе с однокурсницей. Круглый стол уставлен деликатесами, которые он наперегонки с Максом Журиным уминает под горячий, круто заваренный чай.

В горле вдруг засадило от горечи. Вместе с новостью о смерти старика будто и его юность неожиданно стала историей, стерлась и поблекла, как старая фотография.

– Лев Иванович, – голос Валеры снова вернул опера в реальность. – Ну так как думаете, что еще можно сделать? Ведь знаете Зубареву, она не отстанет, въедливая очень.

– Не отстанет, – эхом повторил Лев.

Внезапно он понял, что просто обязан лично разобраться, что произошло с Олегом Митрофановичем в его последний момент жизни. Почему он кричал перед смертью, звал на помощь? Тишайший, очень сдержанный и мягкий Олег Митрофанович, который на его памяти ни разу не повысил голос. Добродушный и отзывчивый, даже если случалось что-то плохое на работе, он только вздыхал тяжело в окладистую бороду, а через секунду снова сиял доброй улыбкой.

Теперь он просто обязан убедиться, что Олег Митрофанович умер по естественной причине. Ведь семья Журиных стала для него родной на несколько лет. Пускай и разбросала их судьба, а тяжелые будни оперативника не дали возможности для регулярных встреч, сейчас та же судьба дала шанс

вернуть подаренную заботу. Даже двойной долг, перед Олегом и Лидией, которые так тепло опекали неопытного студента все пять лет учебы.

Правда, он понял, что ему необходимо изучить материалы о смерти Журина в одиночестве, без пытливого взгляда новичка. Слишком болезненно было внутри от осознания, что Олег и Лидия уже ушли из жизни. Душу грызло чувство вины и сожаления, что не навещал стариков хотя бы изредка за все эти годы. Работа, женитьба, нескончаемые расследования, переезд в новую квартиру, командировки – вечная суета, которая не дает вспомнить о главном. Поэтому сейчас Лев Иванович предложил парню:

– Уже рабочий день закончен, ты давай домой, передохнешь, голова посвежеет. Оставляй бумаги, я все просмотрю, и утром решим, как дальше лучше действовать.

Валерка суетливо мямл жидкую стопку бумаг, круглое лицо с веснушками так и светилось радостью, что он нашел помощника в трудном задании. Парень шагал к двери, а сам бормотал:

– Спасибо, спасибо, Лев Иванович, я так благодарен вам. Если бы не вы, ну не знал бы, что делать. Хоть к генералу иди, так он меня быстро в патрульные отошлет за такое. Скажет, не дозрел еще до работы опером, и в районный отдел отправит. А я же стараюсь, просто ну никак... мыслей нет совсем.

Лев усмехнулся – прав молодой опер, генерал Орлов хоть

и заботился о своих подчиненных как родной отец, но мог устроить разнос или жестко наказать за провинности в работе. Не любил он тех, кто относился к расследованию формально, следуя лишь привычными путями. Оперуполномоченный подмигнул парнишке, чтобы приободрить приунывшего сотрудника, и похлопал по столу, знаком показывая, чтобы тот оставил папку с материалами для изучения. Радостный Валерка всучил результат своих трудов оперу, распрощавшись, бросился поскорее к своему кабинету за верхней одеждой. Молодость со своей вечной жадой развлечения переполняла его к вечеру и требовала женского внимания, дружеских встреч, беспечного веселья. Смерть старика и поиски злого умысла он беспечно оставил старшему коллеге словно тяжелый груз, который наконец-то можно перекинуть на чужие плечи.

Оставшись один, Лев осторожно открыл картонную папку, давно так не сжималось сердце при виде привычных протоколов. За ними обычно стояли чужие судьбы и горе, поэтому смотреть беспристрастно на картинку произошедшего было легко. Но не сегодня. Сейчас за формальными фразами спрятался кусочек его жизни. Опер пролистал листочки протоколов, заключений криминалистов, собираясь с духом, чтобы вчитаться в убористые строчки и столкнуться со смертью Журина лоб в лоб. Как же ему хотелось, чтобы эта милая пара осталась в его памяти только живыми! Яркая и эффектная Лидия Гавриловна, которая даже дома ходи-

ла с макияжем, пышной укладкой и в тщательно подобранных нарядах. Сколько же бесценных советов она дала юному Льву перед его первыми свиданиями! Она научила его завязывать галстук аккуратным тугим узлом, подарила первые духи с великолепным хвойным ароматом. За столом давала естественные уроки этикета, рассказывая разные истории о создании столовых приборов. Ее рассказы, мягкое наставничество превратили тогдашнего юнца из рабочего района столицы в привлекательного кавалера с отличными манерами. Такого ухажера не стеснялись оделить вниманием девушки из семей дипломатов, министров и прочей партийной бонзы. Лев пользовался популярностью у женского пола, преподаватели легко ставили хорошие оценки приятному парню, да и сокурсники тянулись к нему, инстинктивно оценив воспитание и широкий кругозор.

Теплота и уютная атмосфера дома Журиных привлекали не только Льва. Все соседки перед любым выходом забежали к Лидии для оценки своего наряда. Женщина мягко исправляла ошибки, помогала с макияжем, потому что от природы обладала удивительным художественным вкусом. Работа в сфере искусства, постоянные выходы в культурный бомонд столицы сделали ее незаменимой советчицей всех женщин в доме и подъезде. Лидия Гавриловна, если выразиться современным языком, была их личным стилистом. Через знакомых всегда ей перепадала стопка иностранных журналов о моде, невиданные глянцевые страницы разлетались по со-

седним квартирам, внося немного ярких красок и стиля в серую действительность жизни после развала СССР. Во время таких соседских чаепитий Лидия становилась часто еще и психологом, выслушивая жалобы на семейную жизнь. Обладая природным тактом, она давала советы, как же найти с мужем общий язык. Да кому, как не ей, было учить жильцов дома счастливой семейной жизни! Ведь с Олегом Митрофановичем они жили без ссор и раздоров уже больше тридцати лет. И не просто жили в скучном режиме дом – работа, а до сих пор испытывали друг к другу трепет и нежность. Именно для мужа наряжалась Лидия в вечерние платья во время ежедневных семейных ужинов, его старалась порадовать кулинарными изысками, с ним с упоением обсуждала состоявшийся поход в театр или поездку в старенький подмосковный музей. Она бережно не мучила его походами на блошинные рынки или в обожаемые ею антикварные магазинчики, только вечером выслушивала комплименты своему вкусу, демонстрируя очередную находку среди развалов старинных и диковинных вещей. Олег Митрофанович в ответ смотрел на жену с восхищением все годы их совместной жизни. Скромную ставку сотрудника кафедры машиностроения политехнического института тратил на подарки для любимой Лидоньки.

Стоило Льву прикрыть глаза, как память мгновенно унесла его в прошлое, в одно из праздничных вечерних застолий в доме Журиных: Лидия Гавриловна в золотистом воздуш-

ном платье, с прической-коронай из густых светлых кудрей, заливаясь смехом, показывает внуку Максиму танцевальные па ее любимого фокстрота. Тот неуклюже повторяет движения, смотрит исподлобья и капризно вздыхает, что так уже не танцуют, это прошлый век. Но Лев знает, что неловкий деревянный Макс просто упрямится, потому что у него плохо получаются грациозные движения в такт музыке. Взгляд парнишки полон зависти к ловкому пластичному Леве, который кружит под зажигательный ритм соседку Люсеньку, невзрачную лаборантку из научной лаборатории Олега Митрофановича, еще одну подшефную Лидии. Застенчивая Люся, густо накрашенная, в нелепом платье с огромными рукавами в виде фонариков, смущается и идет алыми пятнами от удовольствия, что ее так ловко ведет в танце молодой привлекательный партнер. Проницательная Лидия сразу замечает дисгармонию в парах и одним взглядом дает знак мужу, что колдует над стареньким патефоном, – «смени музыку». Олег Митрофанович перебирает пластинки, и из медного раструба льется плавный романс, который обожает Лидия. «Смена партнера!» – восклицает хозяйка вечера, скользит в руки ко Льву, а ее муж склоняется в галантном приглашении перед уже бордовой от быстрых движений Людочкой. Теперь сочетание правильное – более ловкие партнеры задают темп и рисунок кружения, а парочка из торопливой, угловатой Людмилы и высокого Олега повторяет за ними танец. От кружения в такт, сияющих глаз, синхронных движе-

ний рождается невероятная магия, ощущение чуда, которое рассыпается звенящими искрами по всему телу. По комнате плывут волны восторга, ликующей радости от жизни.

Гуров вдруг очнулся и понял, что сидит за столом, напекает под нос знакомую мелодию, отбивая такт ногой и раскачиваясь, будто в танце. Картонная серая оболочка уголовного дела ударила по глазам. Нет больше Олега Митрофановича, очарованного тридцать лет собственной женой. В той квартире никто не танцует, не обсуждает с жаром новую выставку и не передвигает часами фигуры на шахматной доске. От этого разливается горечь, от которой щиплет глаза, скребет железной щеткой горло. Вдвойне горше, что он, Лев, упустил столько времени, не навещал стариков. Теперь единственное, как он может вернуть долг, это убедиться, что Олег Митрофанович отошел в мир иной спокойно, по божьей воле, а не из-за чьего-то противозаконного замысла.

И опер, стиснув зубы, чтобы не уплыть опять в приятные воспоминания, принялся изучать документы. Стандартный набор: поквартирный опрос, протокол поквартирного опроса, опросы свидетелей, которые слышали громкие звуки в тот вечер, вернее даже ночь, протокол осмотра места обнаружения тела с подробным описанием помещения, характеристика от участкового, исследования криминалистической лаборатории, протокол допроса Максима Журина, единственного внука супругов. Прав Валерка, на первый взгляд нет никаких предпосылок, чтобы заподозрить

насильственную смерть. Да, Максуду достается отличное наследство – пятикомнатная квартира, за такое в современном мире убивают, выгоняют на улицу, подделывают документы, отказываясь от родственных связей. Только если бы парень, сейчас уже вполне солидный мужчина около сорока, охотился за золотыми метрами в Центральном районе Москвы, то не стал бы ждать столько лет. Ведь получается, что Олег Митрофанович уже больше восьми лет как вдовец после смерти Лидии, его внук мог достаточно быстро перевернуть замысел и стать единственным собственником квартиры.

Лев Иванович даже усмехнулся от мысли, что это Макс мог поспособствовать скорейшему отправлению деда на тот свет. Тот Максим Журин, которого помнил Гуров, был замкнутым, неуклюжим пареньком. По большей части он молча поглощал угощение со стола, поджимал губы на причуды своих стариков да сдерживал зевоту, слушая рассказы Лидии об очередном культурном мероприятии. Единственная вещь на свете, которая его вдохновляла и завораживала, – шахматы. Он не пошел в бабку статью и художественным талантом, не повторил доброту и щедрость деда, даже на погибшего в нелепой аварии отца Максим был не похож. Журин-внук был копией матери, блеклой провинциальной девушки Ольги, которая из-за случайной одноразовой связи на какой-то гулянке вдруг стала частью семьи московских интеллигентов. Мать Максима после рождения внебрачного

ребенка не решилась остаться в Москве, получила стараниями Журиных комнату в коммуналке от одного из подмосковных швейных комбинатов да и осела там навсегда. В квартире Олега и Лидии она не появлялась с момента похорон их единственного сына и отца ее ребенка. Теперь мужская вариация Ольги, подрастающий внук Максим, навещал стариков по строгому графику. Мальчишка, потом подросток и затем молодой парень удивленно тарасился на их чудаковатые привычки и робко заливался краской за сервированным как в ресторане столом. Но надо отдать должное, бабушкин такт ему все-таки перешел по наследству. Даже если Макс и посмеивался или осуждал привычки родни, то никогда не произносил это вслух. Лишь пожимал плечами на то, что у дедушки с бабушкой не было привычного телевизора или магнитофона, ведь крошечный черно-белый телевизор водился даже в их с матерью простенькой общажной комнатухе. Есть у стариков надо было с помощью ножа и вилки, вести за столом следовало приятные разговоры о погоде и далеком от него искусстве. Из развлечений – пасьянс, танцы под старые романсы из забавного старинного патефона да сопровождение бабушки по скучным музеям. Зато во время каждого визита его кормили деликатесами, которые у матери в холодильнике не водились, играли в его любимые шахматы по несколько часов кряду, не ругали за сидение с книжкой до утра, а на прощанье дед всегда засовывал внуку в карман новенькую хрустящую купюру. Поэтому каждые выходные

Максим садился в электричку и полтора часа ехал из подмосковного Королева с тремя пересадками в огромную квартиру в центре города.

Перед внутренним взглядом всплыло бледное, всегда сосредоточенное личико с невзрачными чертами. Увидишь в толпе и не запомнишь, настолько все черты скучны и обычны. Всегда в темной практичной одежке, нелюдимый замкнутый Макс молчал, ел, скрывал зевоту в гостях у деда с бабкой. Оживал лишь над доской с фигурами, тогда глаза его наполнялись блеском, а брови ходили вверх и вниз в такт размышлениям.

Интересно, прекратил ли он свои поездки после того, как вырос? Гуров пролистал протоколы, нашел строчку с данными свидетеля и снова усмехнулся. Ну кем же еще мог стать парень, который не выпускал из рук учебник по шахматам? Журин Максим Леонидович, преподаватель по шахматам в одном из столичных лицеев, проживает все в том же общежитии города Королева. Пара стандартных строк из официального протокола содержали всю дальнейшую судьбу единственного внука экстравагантной четы. Парень так и прожил еще почти двадцать лет, ничем не интересуясь, кроме фигур на черно-белых клетках. Что еще есть в папке? Показания свидетельницы, соседки, Людмилы Ивановны Ивановой, той самой лаборантки Люсенки. Она мгновенно нарисовалась серым пятном в памяти оперативника: блеклая, будто стерли с нее все краски, с вечными

пятнами смущения на щеках и жидкими волосами, собранными в хвостик, стесняющаяся своей квадратной, будто топором вырезанной фигуры. Она преданной собачонкой служила Лидии и ее мужу. За то, что Журина опекала ее, учила женским премудростям, водила за собой по выставкам, знакомя с московской богемой, та считала престарелую гранд-даму своим личным божеством. Хлопотами Олега Митрофановича приезжая провинциалка получила быстро однушку от технологического института, несмотря на скромную должность лаборантки кафедры машиностроения. Шикарный гардероб с плеча модницы Лиды, о котором заурядная женщина могла лишь мечтать, праздники в почти семейном кругу вместо одинокого застолья – блага от щедрых соседей сыпались на Иванову как из рога изобилия. Она отплатила этот долг, до конца жизни, видимо, присматривая за овдовевшим ученым, недаром первая обратила внимание на крики и побежала проверять, что случилось с тихим Олегом Митрофановичем. Запасные ключи от соседской квартиры у нее были, именно Люся и нашла старика на полу у его вместительного кресла, где тот так любил слушать старые пластинки с любимыми романсами.

Гуров опять почувствовал укол стыда: все, кто вращался вокруг интеллигентной четы, так и продолжали еще двадцать лет свою жизнь в лучах тепла и заботы Журиных, взамен отдавая внимание дряхлеющим старикам. А он исчез, как будто и не было ничего, хотя считал их практически сво-

ей семьей, пока жил в той квартире все пять лет учебы в институте. Лев Иванович со вздохом взглянул на часы, нет, это ощущение не унять воспоминаниями. Время еще есть, спектакль у жены окончится почти в полночь, поэтому он может сейчас хотя бы прокатиться в квартиру Журиных, поговорить с Ивановой об обстоятельствах смерти старика.

Опер уже стоял на парковке, когда бросил взгляд на окна криминалистической лаборатории на третьем этаже здания. Заглушив двигатель, Лев Иванович снова зашагал к крыльцу здания управления МВД. Желтый свет окон напомнил ему, что криминалист Зимин, его давний коллега, не так давно развелся с женой и теперь частенько проводил ночи на диванчике в своей лаборатории, не горя желанием возвращаться в родительский дом и выслушивать упреки из-за несложившейся семейной жизни. Дело наверняка уже побывало у Зимина в руках, а значит, тот сможет высказать свое мнение, помочь воспроизвести картину произошедшего. В беседе, бывает, всплывают мелочи, на первый взгляд несущественные детали вскрытия или результатов осмотра места происшествия, которые в официальный протокол не включают из-за их незначительности. Такие крошечные крючки могут стать точкой, от которой расследование вдруг начинает раскручиваться совсем в другую сторону. Поэтому Гуров, когда брался за дело, первые несколько дней не выдвигал версий, чтобы не уйти по ложному следу. Он тщательно, как археолог на раскопках, осматривал каждый кусочек

пазла, собирая их все больше и больше, пока разрозненные элементы вдруг не складывались сами в четкую картинку. Этим Лев Иванович и заработал свою славу опытного опера, которому любая запутанная история по плечу. Его напарник по кабинету, давний приятель, Станислав Крячко не мог удержаться от своих резких шуточек в сторону друга, который с задумчивым видом часами что-то мог писать и чертить в потрепанном рабочем блокноте: «Без труда не выловишь и труп из пруда, Лева?» В ответ Гуров кивал отрешенно и продолжал вырисовывать схему из лишь ему понятных черточек, кружков и знаков. Выдержав час, заскучивший от тишины в кабинете Стас дальше выдавал новую шутку: «Говорят, что лучшие сыщики – это бывшие воры. Жду от вас чистосердечное о темном прошлом, гражданин Гуров». Приятель в ответ лишь отмахивался и вдруг загорался от осенившей догадки, радостный спешил за стол к Стасу, чтобы поделиться своими мыслями. Именно резковатый и ироничный Крячко оказывался лучшей проверкой версии на жизнеспособность. Он внимательно выслушивал, рассматривал стрелки и буквы из блокнота, а потом засыпал Гурова вопросами, возражениями, острыми замечаниями. Вот тогда, если схема выдержала такую проверку, опера принимались за ее отработку, собирая недостающие детали – показания свидетелей или улики.

Правда, сейчас его многолетний советчик отдыхал от рабочих будней в семейном кругу, время уже перевалило за де-

сять вечера, немногие сотрудники все еще трудились в своих кабинетах. Дежурная бригада из следователя и опера да криминалист, который теперь считал работу своим первым домом. Лев легко поднялся по знакомым ступеням, коротко стукнул в дверь с надписью «отдел криминалистики» и, не дожидаясь ответа, шагнул внутрь. Как он и предполагал, Леха Зимин в красной измятой фланелевой рубашке и домашних трико развалился на продавленном диванчике. Коллега с увлечением жал кнопки своего ноутбука, который мерцал синим экраном на колченогом стуле для посетителей. При виде опера Зимин обрадовался:

– Лев, какие люди! Проходи, проходи, Евтушенко на вызов укатил, так что я тут один. Отдыхаю, перерывчик выдался. – Зимин кивнул на ноутбук со звуками стрельбы. – Игрушку новую пробую, пока работы не навалили. Вот остался с дежурным, новичок все-таки, надо помочь парню профессию освоить. Чему их там в институтах учат, потом приходится нянчиться круглыми сутками. Кофе, Лева? Или чего покрепче от стресса?

По суетливым движениям и многословию криминалиста Гуров понял, что Алексей стесняется своего положения, прикрывая круглосуточное пребывание на работе необходимостью обучать нового сотрудника. Он широко улыбнулся и покачал отрицательно головой:

– Нет, Леха, я к тебе по делу, считай, тоже на работе, но вопрос чуть больше, чем рабочий. Знакомый мой недавно

у тебя проходил, официальное заключение еще от вас было. Теперь я хотел бы твое мнение услышать, что там не так? Странное, может быть, необычное, ну, ты понимаешь.

Зимин кивнул коротко:

– Фамилия?

– Журин Олег Митрофанович, – так же по-деловому отчеканил опер.

Криминалист вдруг лукаво блеснул косым взглядом, развернувшись от экрана компьютера:

– По адресу пришел, Лев Иванович. Почуял сразу, что мутная история, да?

Зимин при всей своей неудачной семейной жизни был отличным специалистом, чующим, как и Гуров, малейшие нестыковки в фактах. Он повел длинным носом, как пес, уловивший след, и с жаром заговорил:

– Я помню вызов, сам выезжал с опером и следаком. Все чин по чину, у старика сердце прихватило, он как сидел, так со своим креслом рядом и лег. Видимо, на помощь хотел позвать, но уже сил не хватило. На первый взгляд никакого криминала.

– А на второй? – Лев внимательно слушал эксперта.

Тот с довольным видом достал из толстого вороха протоколов несколько бумажек и похлопал по ним:

– И на второй, Лева, тоже все в порядке. По результатам вскрытия – смерть наступила по естественным причинам, нарушение сердечной деятельности и остановка сердца. Ин-

фаркт по-простому.

– Тогда почему ты думаешь, что все не так просто, как кажется сперва? – Лев досадовал, что Зимин тянет время, откровенно наслаждаясь его нетерпением.

А тот гордо вскинул подбородок, растягивая минуту торжества:

– Я Зубаревой так сразу и сказал: «Копай, Наташа, там что-то нечисто», – мужчина сузил глаза и постучал пальцами по протоколам. – В составе крови и содержимого желудка у старика виагра, лекарство для повышения давления и препарат для понижения давления. Как вся эта солянка в нем оказалась? Я специально этот вопрос у знакомого аптекаря уточнил, состав от определенных таблеток, которые прописывают при пониженном давлении. Понимаешь, Гуров?! Ладно, что он при повышенном давлении пил виагру, это уж его донжуанские дела. Захотелось любви на старости лет, решил старикашка рискнуть жизнью ради подвигов в койке. Лекарство для снижения давления ему мог прописать врач по показаниям, а вот зачем он принимал препарат с обратным действием? Зачем ему порошочками и таблеточками поднимать себе давление, которое и так долбит выше нормы из-за возраста и виагры? Это же нелогично! Да и вредно. У меня матушка пьет таблетки от сердца и давления, так она даже кофе чашку себе не разрешает. По лестнице пройдет, и все, жахает под двести, беги за тонометром. В таком возрасте это сразу «Скорая» и больница, гаран-

тировано. Вот это и странно, что не какой-то безграмотный обычный пенсионер в себя пихал что ни попадя. Такое тоже бывает у стариков, у не особо сообразительных товарищей. Пьют все как компот, не думая о последствиях и побочках. Но этот-то дед с головой дружил, образованный, особо химией не увлекался, всего три препарата. Почему онпил таблетки противоположного действия, хотя должен быть вполне разумным человеком и понимать, какие последствия от такого коктейля, – на немой вопрос Гурова криминалист махнул рукой. – Да у него полки от пола до потолка книгами уставлены, в том числе биология, анатомия и прочая медицина. Уж если человек таким всю жизнь интересовался, то основы должен понимать.

Гуров тут же вспомнил сотни книг, которые коллекционировали Журины. Лидия, профессиональный скульптор, собирала редкие издания, буквально охотилась за ними, выискивая энциклопедии, учебники, книги по анатомии человека на блошиных рынках, в антикварных лавчонках и на стихийных развалах. Она с горящими глазами демонстрировала свои находки домочадцам и гостям:

– Вот, полюбуйте, Левушка, итальянское издание иллюстраций из атласа Говарда Бидло. Шестнадцатый век, личный врач английского короля. Его новшество – подробное изображение папиллярных гребней на пальцах, которые он исследовал с помощью микроскопа. Представляете, Лев?! То, что теперь в вашей работе обыденность, инструмент

для поимки преступника, тогда было неслыханным открытием – уникальность отпечатков пальцев, неповторимый узор у каждого человека. Это же отец, нет прапрапрадедушка криминалистики!

Прямо на стол перед Львом, который зашел на вечерний чай к Журиным, лег разворот потрепанной книги с черно-белым портретом человека в парике. Студент скользнул взглядом по лаконичным буквам латиницы:

– Лидия Гавриловна, здесь же по-итальянски или по-испански, как вы сможете прочесть книгу?

Женщина покачала головой с высокой прической:

– Ну же, Лев, во-первых, Лидия, а не Лидия Гавриловна. После 80 лет, так и быть, соглашусь на отчество. А во-вторых, у нас есть итальянский словарь, этого достаточно, чтобы понять основное направление мысли. В этой книге иллюстрации, картины важнее слов.

Основы итальянского она тогда освоила за пару месяцев, и уже к лету сборник пластинок ее мужа стал пополняться известными ариями, потому что Лидия решила совместить изучение нового языка с музыкальными вечерами. Вместе с ней проникались оперным искусством Максим и Лев, корпящие над очередной шахматной партией. «А ведь именно знание итальянской оперы покорило Машу на первом свидании. Завоевание жены – это результат воспитания Лидии», – вдруг понял Гуров.

– Лев, ты чего, переработал? Ты слышишь меня, Лев Ива-

ныч? – Крепкий палец ткнул в бок, и Гуров вернулся из своих воспоминаний обратно в сегодняшнюю реальность, в отдел криминалистики.

Зимин внимательно всматривался в лицо опера:

– Ты это чего, Лев Иванович, в отключку какую-то ушел. Ты давай домой дуй, мертвецы подождут. Им уже некуда торопиться. Там жена заждалась тебя, – во взгляде новоиспеченного холостяка мелькнула зависть. – Отдохни, сто грамм прими, завтра договорим. Я утром здесь буду. Сегодня еще протоколы все перечитаю по Журину этому, может, еще какая мысль созреет.

– Хорошо, – согласился опер.

Перед глазами были часы, на которых стрелки уже показывали одиннадцать. Он же еще собирался увидеться с соседкой Журиных. Людочке сейчас далеко за 60, и будет отлично, если она страдает бессонницей.

Гуров пожал на прощание руку Зимину и направился обратно к своему автомобилю на парковке, оставив эксперта и дальше коротать одинокий вечер за ноутбуком на служебном диванчике.

Чем ближе он был по знакомому маршруту к дому, где провел пять чудесных лет, тем сильнее билось сердце. Воспоминания накатывали одно за другим, разливаясь в груди щемящей смесью радости и ностальгии. Возле дома он долго парковался, поджидая, когда сердце вернется к привычному спокойному ритму, а по всему телу перестанет идти

легкая дрожь. Гуров вышел из машины, поднял глаза на знакомые окна и застыл на несколько секунд в шоке. Угловая квартира Журиных состояла из пяти комнат: просторная гостиная с большим дубовым столом; спальня с глухими шторами; залитая светом мастерская Лидии; крошечный будуар, как называла его женщина, где висели ее наряды, стоял столик с огромным зеркалом и тугая бархатная кушетка, повидавшая немало откровений соседок; кабинет Олега Митрофановича, совмещенный с библиотекой, в котором он проводил долгие часы. В глубоком кресле у окна, рядом с зеленой лампой на подставке из малахита, пожилой мужчина читал книги, слушал музыку на патефоне, если Лидия просила ее не тревожить. Регулярно женщина запиралась надолго в мастерской для новой работы, тогда все в квартире Журиных переходило на шепот, чтобы не мешать увлеченной скульпторше ее встрече с музой. Все комнаты тянулись анфиладой вдоль длинного коридора с задней стороны дома, лишь кабинет Олега Митрофановича выходил окнами во двор, оставаясь отдаленной комнатой, откуда звуки не доходили до мастерской. Сейчас же Гуров застыл от невероятной картины – окно с плотными шелковыми шторами горело зеленым пятном включенной лампы, которая, он точно знал, стоит на небольшом журнальном столике у окна, подсвечивая белые буквы на глянцевых листах заграничного журнала о машиностроении в руках у Олега Митрофановича. Только пенсионер мертв, а квартира опечатана! И в ней не мо-

жет гореть свет! Мертвец не может включить лампу и сидеть в кресле! Зеленый свет мигнул, исчез, а окно налилось чернотой ночи. Гуров со всех ног кинулся к знакомому подъезду, дернул дверь и остановился – ну конечно же, на двери теперь домофон и кодовый замок, как и в любом подъезде, так просто сюда больше не попасть. Лев по памяти воспроизвел нумерацию квартир, нажал блестящие клавиши. Дребезжащий голос ответил почти сразу:

– Кто там?

– Людмила, – он никак не мог вспомнить ее отчество. – Это Лев Гуров, я снимал квартиру рядом с Журиными, помните? Я по поводу смерти Олега Митрофановича. Могу подняться к вам и задать несколько вопросов?

Заминка длилась несколько секунд, потом пискнул домофон зеленой точкой, и Гуров уже поднимался на третий этаж, по пути лихорадочно соображая, как ему попасть в квартиру. Ведь полиция наверняка опечатала вход в жилье до окончания разбирательства, а у него нет сейчас юридических полномочий для входа в квартиру. Все-таки формально, как опер, он никакого отношения к расследованию смерти Журина не имеет. Может, стоит зайти к участковому и попросить его открыть квартиру? Обдумать все варианты сыщик не успел, на лестничной площадке его ждала все такая же блеклая, в застиранном голубом кимоно – наследство Лидии – соседка Журиных, Люся. За двадцать лет она почти не изменилась, лишь ее невыразительное личико на-

брякло морщинами и мешками под глазами, а так все тот же тоненький хвостик на затылке, водянистые глаза и тихий голос. Она, поджав губы, ждала Гурова у дверей квартиры Журиных и без всякого приветствия протянула:

– Когда живы были, то вы в гости к ним не заходили, как институт закончили. Неужто мертвые интереснее, чем живые, Лев Иванович?

Опер виновато отвел глаза в сторону:

– Простите, даже не знаю, как вышло. Работа, семья, закрутилось все. А Максим навещал их?

Старушка покивала головой:

– Как часы, каждое воскресенье всегда здесь. Как Лидия умерла восемь лет назад, стал почаще забегать к деду. Продукты купить, в аптеку сходить, мы не молодеем. Я за ним тоже ухаживала, убиралась, готовила, врача вызывала – все на мне. Олег Митрофанович и так был... – старушка пожевала губы задумчиво, подбирая слова, – от мира оторван, без жены и не знал, как за свет заплатить. Избаловала его Лидия, жил как царь. Жена – красавица и умница, и дом полная чаша, слова о нем плохого не сказала за всю жизнь. Лидочка не человек, а ангел.

Она вдруг замолчала и хмуро кивнула на дверь:

– Я как шум услышала, сразу прибежала с ключами, отперла дверь, а он там лежит. «Скорая» приехала, потом полиция, Максиму я набрала, вызвала сюда. Он живет, конечно, скромно, но на такси из Королева денег не пожалел но-

чью. Все-таки дедушка...

Опытный оперативник от ее горького тона забыл все вопросы, которые готовил, пока добирался сюда. Мигающая зеленая лампа, призрак прошлого, выбила его из рабочего тона. Зашаркали тапки, Люсин хвостик замелькал в тусклом свете подъездной лампочки.

– Поздно уже, мне утром в похоронное бюро ехать, Максим не справится один с организацией. Поминки будут в три часа дня в кафе «Коляда», хорошее место, все-таки начальство с нашего института приедет, помнят еще Олега Митрофановича. Не все, но помнят, все же и заместителем заведующего кафедрой был столько лет. У Лидочки на прощании сотни гостей было, все ее помнили, все любили. Гроб, венки, музыка итальянская – все как она наказала. И дом наш, и кафедра, и ее ученики пришли, кого только не было. Все как она просила я сделала, гроб белый, никаких ладанок на лбу. Прическу и макияж я сама ей делала, за деньги пустили в морг покойницу обрядить, платье черное, туфельки на каблучке и перчаточки кружевные. Ей от болезни пальцы скрючило, очень Лидочка тяжело это переживала и перчаточками прикрывала уродство. Работала не покладая рук, вот потом вылезло. Ручки стали как у птички лапки, а она все творила, через боль. Никому не жаловалась, купила перчаток и еще лучше стала выглядеть, как королева настоящая.

Старушка ушла с головой в воспоминания, кивала и улы-

балась умиротворенно от радости, что помогла своей обожаемой подруге отойти в мир иной такой же прекрасной, какой Лидия привыкла быть всю жизнь. Хлопнула входная дверь на первом этаже, застучали шаги припозднившегося жильца. Люся снова свела белесые бровки-запятые на переносице:

– Мне пора, приходите попрощаться с Олегом Митрофановичем завтра, на Миусское кладбище, к двенадцати.

– Да, я приду, конечно, – опер очнулся от ступора и полез в карман, сунул в сухие ладошки все купюры, что были в кошельке. – Вот, возьмите, это для организации похорон, не отказывайтесь, прошу. Мне стыдно, что так вышло, это небольшое, что я могу сделать сейчас.

Чтобы Людмила не успела отказаться, он поспешил по ступеням вниз. Внутри горела досада на себя, что поддался эмоциям. Теперь его визит прошел так скомканно и неинформативно, так и не решился он спросить у Люси, почему загорелась и погасла зеленая лампа в кабинете Олега Митрофановича. Хотя, с другой стороны, что он хотел узнать? Не водится ли в квартире Журиных привидение, которое сидит в кресле и включает зеленую лампу?

В машине опер просидел добрых четверть часа, не сводя глаз с окна в кабинете старика. Вдруг на окне соседней квартиры мелькнула тюлевая занавеска, колыхнулась и вернулась обратно белой волной. Гуров понял, что это Людочка наблюдает за ним из своей квартиры. Старушка недовольна его многолетним отсутствием, обижена заочно черной неблаго-

дарностью к Журиным, которые так опекали молодого студента. Поэтому разговаривала так сухо, в каждое слово вкладывая упрек. Ну ничего, завтра после поминок она разговорится в волнении от обилия людей и событий. Он помнил, как будоражили ее даже посиделки у Лидии и Олега на праздниках. Вечеринки всегда заканчивались для Люси слезами, она начинала плакать от захлестывающих чувств к своим благодетелям и благодарить их. Ему обязательно надо быть на похоронах – отдать последний долг старику, а заодно побеседовать с Максимом и Людмилой, практически единственными свидетелями его последних лет жизни. На сегодня расследование закончено, даже дома ему не над чем поразмышлять. Кроме сомнений полицейского криминалиста, нет никаких оснований считать, что Олег Митрофанович умер не от естественной в его возрасте причины. Правда, мысли о событиях в квартире в Академическом переулке не шли из головы и после того, как он встретил жену Марию, актрису театра, у служебного входа и отвез домой.

Перед сном Маша тактично нарушила молчание мужа:

– Лев, все в порядке? Новое дело?

Она привыкла, что каждое новое расследование увлекает Льва с головой, так что тот забывает обо всем, до того уходит в собственные мысли. В этот раз он удивил ее неожиданным вопросом:

– Как ты думаешь, привидения существуют?

Она сначала рассмеялась от необычного интереса:

– Как призрак оперы? – но, увидев серьезное выражение лица Льва, пожала плечами. – Скорее да, чем нет. Я сама не сталкивалась с ними. Почти. Хотя ты знаешь, была одна жуткая история. Первым главрежем в нашем театре был Георгий Таар. Из-за интриг его оклеветали, сняли с должности и даже отправили в психушку, хотя при нем театр процветал несколько десятилетий. Его жена, Нора Вааль, актриса, пыталась восстановить справедливость, каждый вечер приходила к театру и стояла часами у входа, наблюдая за зрителями, потому что новый режиссер запретил ее впускать внутрь. Когда она узнала, что после реконструкции здания на месте кабинета ее мужа сделали уборную, то прокляла театр и всю труппу. Она покончила с собой или попала в психушку, говорят разное. После ее смерти стали говорить, что призрак женщины, похожей на Нору, бродит за кулисами и делает пакости. Выключает свет, дергает занавес, прячет тексты роли и портит костюмы. Это все было в советское время, до того, как я пришла в театр. У наших старожилов куча историй о проделках привидения Норы. И все-таки я сама видела кое-что необъяснимое. Когда я пришла служить в театр, как раз новый режиссер, что набирал новую труппу из выпускников театрального училища, вызвал священника, чтобы тот отслужил молебен и окропил все помещения святой водой. Сразу после его ухода во время репетиции прямо на сцену вылетела огромная синяя бабочка. Я видела таких только по телевизору, кажется, они водятся где-то в джунглях, но уж точно

не в Москве. Тем более был ноябрь, какие бабочки? Она сделала несколько кругов и улетела. Наши считают, что это была душа той актрисы – Норы. Она простила всех через много лет и прилетала попрощаться перед тем, как покинуть театр навсегда. С тех пор все стуки, шорохи исчезли, я сама дежурила несколько раз в театре во время выходных дней. Никакой мистики, нарядились с девчонками в костюмы и танцевали до упаду, – Мария улыбнулась. – Вот такая простенькая история, никаких оперных див, похищенных призраком подземелья. Лев?

Пока она рассказывала, муж не выдержал напряжения тяжелого дня и задремал. Ее грозный опер, мужественный боец с преступниками уснул как младенец под сказку о проклятии актрисы. Мария укрыла мужа получше, улеглась рядом, так чтобы ровное дыхание мужчины касалось ее волос, и тоже закрыла глаза.

Глава 2

Утром после планерки Гуров успел договориться с начальником, генералом Орловым, о выходном на весь день, заскочить в свой кабинет и обсудить с Крячко свое намерение пойти на похороны Журина. Приятель прищурил глаза хитро и пробасил, изображая ковбоя из дурацкого фильма:

– Что-то нечисто со смертью ученого и старый охотник взял след, да, Лева?

Гуров уже хотел ему рассказать о мигании зеленой лампы в окне, потому что кому, как не проверенному годами Стасу, доверить глупый иррациональный страх? В свете дня под пристальным напором колких шуточек вчерашнее привидение растворится и исчезнет, словно утренний туман над рекой под лучами солнца. Только откровению помешало появление Зимина. Тот, посвежевший, теперь в джинсах и рубашке, без стука вошел в кабинет. Затянувшуюся ночь выдавали лишь красные опухшие веки, сам же криминалист был полон энергии и сразу перешел к делу:

– Во, смотри, запросил дополнительный биохимический анализ по Журина, ребята подсуетились и прислали быстро. – Криминалист указал пальцем на цифры и латинские буквы на выписке. – Адреналин! Смотри, у него повышены кальций и адреналин.

Крячко хмыкнул иронично:

– Конечно, профессор, теперь все ясно как белый день. Преступник обнаружен, а в суде так и скажем – адреналин! Орден куда тебе вешать?

Зимин плюхнулся на стул и сморщил длинный нос:

– Вот так, трудишься по ночам, стараешься, просишь коллег помочь, а опера в ответ только шуточки свои шутят. Объясняю, – менторским тоном, будто преподаватель в институте, продолжил Зимин. – Высвобождение адреналина, то есть его появление в организме, связано с раскрытием кальциевых каналов. Кальций попадает в клетки тела, заставляет мышцу сердца сжиматься все сильнее и сильнее. То есть переизбыток кальция вызывает практически неконтролируемую судорогу сердечной мышцы, провоцирует аритмию, падение кровяного давления, потерю сознания и в конечном итоге летальный исход. Прошу заметить, естественной природы. Адреналин выделяется при сильном испуге, шоке, стрессе. – Эксперт перехватил недовольную гримасу Крячко. – Перевожу с криминалистического на оперской. Старика что-то так напугало или шокировало до такой степени, что у него скакнул уровень адреналина в крови. Адреналин и кальций, вернее их избыток, и спровоцировали сердечный приступ. Притом что хронических сердечных болячек у пожилого мужчины не было. Сосуды тоже в отличном состоянии в рамках возраста. Но при той смеси препаратов, что присутствовала в организме, и сильном шоке даже такой крепкий старикан дал дуба. Одно лишь непонятно. И так,

господа знатоки, что его так напугало?

– Привидение! – не удержался Лев от восклицания.

Крячко и Зимин переглянулись, криминалист заботливо переспросил:

– Лев Иванович, а ты ночью спал или все за преступниками бегал? Как отдохнул?

Гуров чувствовал, как заливается краской от смущения, что выглядит сейчас в глазах коллег сумасшедшим, который верит в пришествие инопланетян или полтергейст. Но деваться уже было некуда, он рассказал им о вчерашнем происшествии. Глаза у Стаса загорелись, он вдруг с энтузиазмом продолжил:

– А вот у моего деда в деревне тоже случай был... – И тут же замолчал под суровым взглядом эксперта.

Зимин покачал головой:

– Послушайте, парни, я не первый год в нашей сфере ваюсь. Мертвяков навиделся всяких: и висельников, и утопленников, и в ванной кровавой плавали. Короче, привидений не существует. Нет их, поверьте мне. Все остальное – случайности или специально подстроенные фокусы. Все эти привидения, барабашки, полтергейсты, призраки и прочая нечисть просто косяки строителей, которые так дома строят, что там потом с ума сойдешь от завываний да стуков. Гнилая проводка, замыкание из-за старой розетки или шнура лампы – вот и мигает твоя лампа, как карусель на ярмарке. Лучше попроси участкового открыть дверь и обесточить все, по-

ка не сгорела квартирка с реальными уликами.

Гуров вздохнул с облегчением, Зимин развеял напряжение за несколько секунд. Действительно, разгадка простая, как белый день, как ему сразу в голову не пришло? Крячко тоже восхищенно заметил:

– Варит у тебя голова, Леха, будь здоров.

Зимин расплылся в довольной улыбке:

– Прощаю тебя, так и быть, за твои шуточки про профессора, если угостишь пирогом Натальиным. Я его еще из коридора почувал.

Стас потянулся и достал с подоконника огромный контейнер, который утром заботливо приготовила супруга. Выпечка его жены Натальи была известна всем сотрудникам здания управления, и всегда находился желающий полакомиться кусочком. Зимин заметил:

– Так, вот эти два с краю – мои, не трогайте. Я быстро, кружку с кофе заберу из кабинета.

Пока криминалист топал по лестнице вверх, Стас подмигнул приятелю:

– Выбери себе тоже побольше кусок, Лева. Наташа знала, что налетят голодающие, побольше приготовила.

Гуров подхватил небольшой кусочек с мясом, накинул куртку и махнул рукой на прощанье:

– В машине съем, тороплюсь уже.

– После кафе домой рули, отдохни, чтобы привидения не мерещились!

Под выкрики Стаса Гуров зашагал вниз к выходу, понимая, что сегодня никакого отдыха у него не будет. Расследование только началось, и впереди еще много дел, чтобы найти ответ на главный вопрос: кто или что напугало Олега Митрофановича до смерти? Да, его смерть наступила по естественной причине. Это если смотреть только физиологию. А если рассматривать более глобально, то Журина довели до смертельного приступа, подсыпав лекарства, которые разгоняли его кровь, а потом напугали так, что сердце не выдержало напряжения и остановилось. Он должен найти того, кто это сделал с добродушным мирным старичком.

На похоронах сыщик лишь на минуту позволил себе расслабиться, когда коснулся бархата гроба, где умиротворенно лежал покойник в строгом черном костюме. Из кармана кокетливо выглядывал белоснежный платок, а в сложенные пальцы был всунут кругляш белого медальона. Гуров вспомнил это украшение: крошечную драгоценность отлила Лидия сама, в тигельной самодельной печи, увлекшись как-то изготовлением ювелирных изделий. Подарок – медальон из белого золота на тяжелой толстой цепи – она вручила мужу на день рождения. Олег Митрофанович попросил тогда Гурова найти салон, который согласится распечатать их с Лидой свадебное фото в крошечном размере, а затем лично вставил готовый снимок в глубокое донце металлического овала. Подарок он называл своим талисманом и брал всегда в рабочие поездки на удачу. А когда однажды опоз-

дал на автобус, который попал в аварию со всеми участниками симпозиума, то и вовсе стал носить медальон постоянно, скрывая украшение под своими белоснежными накрахмаленными сорочками.

Углубиться в воспоминания Лев себе не разрешил, он незаметно осматривался по сторонам, пытаясь понять, кто из этих людей мог навредить Журину или желать тому зла. Седовласые старики в добротных костюмах, такие же старушки в сдержанных нарядах произносили речи о жизни покойного. Небольшая толпа человек в пятьдесят чинно слушала, кивая головами в подтверждение. К микрофону подошла Людмила, с ног до головы в черном, дрожащим голосом она выдохнула громким шепотом на весь зал:

– Наконец мои самые дорогие люди воссоединятся в другом мире!

Дальше Гуров не слушал, он нашел того, кого долго выискивал среди толпы пожилых людей. Невысокий сутулый мужчина в дешевом куцем костюме стоял одиноко в углу, поводя плечами то ли от смущения, то ли от давящей атмосферы. В нем опер сразу узнал своего многолетнего партнера по шахматным сражениям. При виде Гурова Максим Журин поправил очки, всмотрелся близоруким взглядом и удивленно вскинул брови – узнал. Лев крепко пожал ему руку и стоял рядом, пока гроб с покойником по окончании церемонии плыл по ленте в огненное марево печи крематория. На выходе, ожидая, пока степенная толпа пройдет на улицу, сыщик

предложил:

– Максим, я на машине. Давай довезу тебя до кафе? Или ты на своем транспорте?

Тот снова поправил очки:

– Я без машины, как-то не вышло научиться водить. После смерти бабушки все хотел сесть за руль ее «Волги». Но так и не получилось, не доучился на курсах. До сих пор в гараже стоит автомобиль, дед отказывался машину продавать, хранил как память. Сам тоже не рулил. Только Лидия у нас оказалась лихим шофером.

Проехав несколько метров по нужному маршруту, Гуров осторожно начал разговор:

– Макс, расскажи, как жили старики? Что было после смерти Лидии?

Мужчина ушел в свои мысли, а потом выдал вдруг неожиданный вопрос:

– Зачем? Ты ведь с ними не общался после переезда, твое появление на похоронах – формальность, отдать дань. Зачем тебе знать подробности их жизни за несколько лет? Это странный вопрос. Особенно в связи с тем, что ты ведь сейчас полицейский, да? Тебя всегда увлекала твоя профессия, и логично, если ты стал полицейским. Как это называется в вашей сфере, следователем?

В отсутствии логики упрекнуть преподавателя шахмат было нельзя. Может, Макс и выглядел чудаковатым среди обычных людей, но сразу выстроил логическую цепочку

из выводов. Гуров на секунду задумался над ответом:

– Оперуполномоченный, так называется должность. Да, ты прав, это моя вина, что не навещал стариков. Поэтому хочу убедиться, что все в их жизни было хорошо. Пускай даже как представитель закона. Это все, что я могу теперь. К сожалению. Хоть так, уже не исправить ничего.

Максим дернул плечом:

– Все у них было хорошо. Бабушка так же вела богемную жизнь, занималась скульптурой. Дед работал в своем институте, пока она не заболела. Когда поставили диагноз Лидии, он хотел увезти ее за границу на лечение, но она отказалась. Не хотела портить свою красоту и внешность ради пары лет жизни на таблетках. Сказала, что химиотерапия не подходит к ее маникюру. Сгорела за полгода, дед тогда отказался от должности уже окончательно, совсем ушел на пенсию. Первые пару лет выходить из дома почти перестал. Только с Люсей общался и со мной. Мне приходилось чаще ездить, пытался его как-то встряхнуть. Я звал в парк, в кино, но ты же знаешь, как дед относится ко всему современному. Они даже телевизор так и не завели. Я подарил ему на Новый год в подарок плазму, копил почти год, так он отдал телик Люсе. Все только свои пластинки слушал... Болото какое-то, все смерти желал, чтобы быстрее к Лидии уйти. Без нее не хотел жить, просто сидел и ждал смерти. Правда, в последнее время получше стало, к нему начала ходить женщина одна – Марина, ухаживать за дедом, время с ним

проводить. И он, ты знаешь, как-то ожил поначалу, стал по-бодрее. В парикмахерскую ходил, журнал любимый выпи-сал, на чай эту даму приглашал. Женщина эффектная, я по-нимаю, почему она его привлекла, – очень похожа на Лидию, тоже высокая и статная блондинка, даже в чертах лица есть сходство. Хотя, конечно, с бабушкой умом и уровнем эру-диции не сравнится. Но главное, чтобы деду было хорошо, я только радовался, что старик ожил наконец. А потом устал он, что ли, от своего жениховства или поругались, я даже не понял ничего. Вернее, дедушка ничего не рассказал, Ма-рина перестала у него появляться, а он отказывался говорить о ней. Будто и не было никогда ее.

Максим горько усмехнулся:

– Вот и все наши события. Негусто, да? Ты ожидал боль-шего?

Лев в ответ неопределенно пожал плечами, ему не хо-телось лгать этому мужчине, с которым приятельствовал во времена студенчества, и говорить, что его интерес не име-ет под собой почвы. Постарался перевести разговор в другое русло:

– Откуда появилась Марина в вашем доме, если Олег Митрофанович вел затворнический образ жизни?

Максим равнодушно ответил:

– Случайно, она работает в страховой компании. Дед хо-тел застраховать работы бабушки, вызвал менеджера, и при-ехала Марина. Так и познакомились.

– Зачем их страховать? – удивился Гуров.

По его воспоминаниям, скульптуры руки Лидии продавались за весьма скромную цену. Да, она была звездой богемной художественной тусовки, зналась и дружила со многими антикварами, творческими личностями, давала частные уроки, но именно как скульптор добилась очень среднего уровня признания. Сама Лидия прекрасно это понимала, часто себя называя «глиняным ремесленником», так как регулярно ваяла на заказ для номенклатурных бонз, а потом для дворцов новых русских. Лепила их любовниц в виде обнаженных античных скульптур, пухлощеких ангелов для фонтанов, даже затейливые вазоны под цветы на входе. К своему собственному творчеству женщина относилась насмешливо: «Бог дал мне талантливые руки и глаза, да забыл вложить искру безумия. А без нее получается симпатично, правильно, но слишком скучно. Талант, но не гений. И я рада, не хотела бы откусить себе ухо или спиться от непризнания, как и бывает со всеми гениями».

Только Максим, в отличие от сыщика, явно не испытывал любопытства к вопросам, которые не были связаны с шахматами. Он снова пожал плечами в немом ответе – не знаю. Пока Гуров выбирал место на парковке рядом с кафе, Макс вдруг снова выдал новый логический домысел:

– Я ведь единственный наследник, а значит, единственный заинтересованный в смерти деда?

Лев Иванович молча кивнул. Мужчина продолжил свою

МЫСЛЬ:

– Значит, я единственный, кто мог желать ему смерти. То есть, как это у вас называется, подозреваемый?

Гуров твердо ответил:

– Интерес не равно действие, Максим. Я не занимаюсь мыслями людей, только их поступками.

Он захлопнул дверь машины и зашагал к кафе, где уже за столами сидели гости. Макс, понурый, ссутулившийся, направился следом за опером.

Улучив минутку, когда гости уже начали прощаться после поминальной трапезы, Гуров пересел на освободившееся место рядом с Люсей и чуть небрежно поинтересовался:

– А Марине сообщили о смерти Олега Митрофановича? Что-то я не наблюдаю среди гостей эффектной блондинки.

На него уставились прозрачные глаза с капельками слез на белесых ресницах:

– Даже не упоминайте это имя, тем более здесь, на похоронах, когда мы прощаемся с Олегом Митрофановичем. Эта женщина ему никто, было бы странно приглашать ее на поминки.

Люся подхватила потертый ридикюльчик, поспешила к администратору кафе. Гуров откинулся на спинку стула и обвел взглядом в задумчивости последних гостей, которые пожимали руку Максиму на выходе. Да, искать эту Марину придется долго, слишком скудная информация – имя и работа в страховой компании, которых сотни в столице. Может,

хоть она поможет понять, почему Олег Митрофанович принимал добровольно столько лекарств? К тому же если Журин принимал виагру, то явно был настроен на любовные встречи с этой женщиной. Пускай Максим говорит, что их общение по непонятной причине резко прекратилось, но он не жил вместе с дедом и мог быть не в курсе их отношений. Придется по совету криминалиста обратиться за помощью к участковому, который опечатывал квартиру и мог теперь дать доступ в нее для опера.

* * *

Районный РОВД и кабинет участковых Лев Иванович отыскал быстро. На участке, где располагался дом Журиных, за порядок был ответственным вполне приятный, совсем молодой парень, явно недавно после армии, судя по выправке и манере ходить чуть ли не строевым шагом. На просьбу полковника, еще и опера по особо важным делам, участковый откликнулся с великим энтузиазмом. Хотя Гуров, не желая его посвящать во все нюансы своего расследования, рассказал лишь о мигающей лампе и угрозе возможного пожара из-за некачественной проводки. Участковый мгновенно натянул шапку на короткий ежик волос и потряс ключами от квартиры:

– Конечно, я вам открою. Осмотрим и опять все опечатаем. Я жду, когда бумага придет по Журину, чтобы наследни-

ку ключи передать.

По дороге паренек, взволнованный близким общением с таким важным визитером, болтал без умолку:

– Там столько странностей с этим Журиным. Вроде как и ничего интересного, пенсионер, ну что там может произойти, тем более непьющий. Ни драк, ни криков, я так-то всех своих дебоширов знаю на участке. С этим и знаком не был даже, первый раз полгода назад его увидел.

– А что случилось? – удивился Гуров, узнав, что мирный и интеллигентный Олег Митрофанович вдруг привлек внимание участкового.

Тот сдвинул форменную шапку на затылок, ткнул куда-то в сторону ветхих трехэтажек:

– Мальчишки из старых домов притащили мне сумку и потрошенный бумажник, нашли в кустах. Я по базе пробил и отнес старику. Он тогда пожаловался, что когда шел из аптеки, то его толкнул кто-то в спину, выхватил сумку и убежал. Украли всего ничего, пару сотен рублей, он поэтому не стал заявлять в полицию. Да к тому же через пару часов я сумку ему уже принес, все на месте было. Документы, лекарства не забрали, только деньги. Мелкий воришка или хулиган действовал. Жалко, рассмотреть его старик не успел.

– И что же здесь странного? Забрали деньги, а остальное содержимое выкинули вместе с сумкой, – возразил опер.

Участковый пожал плечами:

– Обычно стараются выжать из стариков по максимуму,

деньги просят за якобы найденные документы. Представляете, для них же целая история потом мотаться по конторам, чтобы восстановить паспорт, пенсионное, проездной, ну и что там у них еще бывает. Пожилые, они обычно как дети, в полицию не идут, платят, сколько им скажут. Вот и считайте: за возврат документов, таблеток редких, карты банковской, ключей денег можно больше получить, чем из его кошелька. У меня так одна бабулька всю пенсию отдала за возврат карточки из поликлиники, уж очень она ей нужна была. Анализы какие-то важные, направление на операцию.

Сыщик прервал болтовню парня:

– Таблетки или другие лекарства были в сумке у Журина?

– Ага, – парень уже шагнул в знакомый подъезд. – Он же из аптеки шел, даже лекарства не тронули, так и лежала банка целая витаминов. Старик тогда еще обрадовался, ведь витамины купил какие-то дорогие. Он даже не надеялся, что грабитель их оставит в сумке. Хороший был дядька, спокойный. Заявлять не стал, чтобы темняков не разводять. – Тут паренек осекся оттого, что сболтнул уже лишнего, и засуетился у оклеенной бумажными полосками двери. – Ну вот, пришли. Вы открывайте сами, вот ключи. Надо, конечно, свидетелей, но мы же просто для безопасности пришли. Выемки, протоколы делать не будем. Выключим, и все, да? Не будем возиться свидетелей искать.

Опер кивнул в ответ, сил отвечать у него не было. При повороте ключа на него хлынула волна знакомого запаха: духи

Лидии, впитавшиеся в стены, аромат дубового паркета, натертого воском, терпкий дух кофейных зерен, разложенных в небольшие вазочки в шкафах, лесной запах «Шипра», которым пользовался ее муж. От этой смеси, знакомых красных обоев в коридоре, виднеющегося в дверном проеме гостиной уголка плюшевого дивана у него застучало сердце, а к горлу подкатил сладко-горький комок. Участковый тем временем бесцеремонно прошелся по коридору прямо в обуви и исчез за поворотом, который оканчивался кабинетом ученого. Оттуда парень показался с удивленным выражением лица:

– Вы же говорили, лампа мигала, короткое замыкание! Но она даже в розетку не включена!

Обескураженный Гуров прошел в кабинет, с удивлением сам ощупал прибор. Действительно, ее шнур висел черной змеей вдоль ножки стола из отполированного дуба. Вилка болталась внизу. Сыщик несколько раз проверил все элементы, не понимая, как лампа могла мигать в выключенном состоянии. Квартира опечатана с момента смерти Журина, электроприбор даже не включен в сеть, а значит, зеленый свет за тяжелой шторой ему просто привиделся. Участковый тем временем прошелся по всем комнатам:

– Да у них тут и электроприборов кот наплакал, даже телевизор нет. Холодильник отключен, плита газовая, баллон я перекрыл.

Он не смог скрыть изумление, когда вернулся в кабинет

и увидел, что сыщик по-прежнему крутит лампу в руках, все пытаясь что-то в ней рассмотреть. Прокашлялся смущенно, потоптался рядом:

– Это... товарищ полковник, я вас в подъезде подожду.

А Гуров вдруг почувствовал напряжение, которое так и вибрировало в голосе парня. Он резко развернулся и спросил:

– Ты чего испугался?

От неожиданного вопроса парень густо залился красной, задышал тяжело и прошептал:

– Квартира тут нехорошая.

– Что ты имеешь в виду? – Гуров шагнул поближе.

Высокий и крепкий парень, полный физической силы, явно был очень напуган. Он, то и дело оглядываясь по сторонам, зашептал:

– Говорят всякое, я соседей когда опрашивал после смерти старика, никто не хотел свидетелем идти. Говорят, демоны его мучили, и поэтому он кричать стал по вечерам страшно, а потом помер от мучений. До сих пор они здесь, в квартире, стонут.

– Какие демоны, ты чего несешь?! – от напряжения тяжелого дня Гуров вдруг вскипел и потерял свое привычное самообладание. Опер ухватил участкового за край форменной куртки и процедил: – Как бабка, сплетни собираешь? Огромный как бык, а душонка зайца. Никакие демоны Журина не мучили, понял? Он свою жизнь честно прожил и ти-

ло, только добро людям делал.

– Да я знаю, знаю, – зачастил в ответ участковый, пытаюсь вырваться из крепкой хватки мужчины. – Мне соседка их рассказывала. И что помогали всем, на лечение денег давали, на любую просьбу откликались. Только я сам, сам слышал!

Гуров отшатнулся и разжал хватку:

– Что? Говори, что ты слышал!

На лице парня отразились муки раздумий, он явно не знал, чего же больше бояться. Демонов, обитающих в квартире, или полковника, который одним словом может лишить его места в полиции. Он нервно сглотнул и решился на откровение:

– Я не верю в чертей и всякое такое. Но когда меня вызвали на труп, то пошел по этажам для опроса жильцов, ну и свидетелей найти для протоколов. А все отказались, все! Они говорили, старик страшно перед смертью кричал, на весь дом. По вечерам у него выл кто-то очень громко и страшно. Я тоже думал: глупости это все, полный подъезд стариков, вот и навывдумывали! А когда уходил и опечатывал двери, то оно там начало стонать и скрипеть. Я точно слышал! Квартира пустая была, тело уже увезли, там никого не было! Но там кто-то стонал! Не человек, а... а... из другого мира существо. Вы ведь тоже, тоже это видели! Сами сказали, что лампа мигала, а она даже в розетку не включена! Как она могла мигать, кто мог стонать в пустой квартире?! Это демон! Или привидение!

Парнишка испуганно обернулся на огромный портрет Лидии, который с веселой хитринкой смотрел на них со стены. Лев Иванович сжал кулаки. Его голос, спокойный и размеренный, прозвучал будто со стороны:

– Так, ты разговоры эти завязывай. Сам понимаешь, где ты служишь. За такое можно из органов вылететь в два счета.

– Я никому не расскажу, – насупился парень. – И вы тоже начальству моему не докладывайте, пожалуйста. У нас майор суровый мужик, чуть что не так, и рапорт об увольнении на стол.

Гуров смягчился, ну не виноват парень, что накрутили его соседи своими рассказами, а тут еще и звуки странные в квартире добавились. Он уточнил:

– Что-то еще странное происходило?

В ответ тот лишь помотал головой – нет.

– В гости к старику последние полгода приходила женщина, не встречал ее? Эффектная блондинка.

Парень снова помотал головой:

– Я вообще думал, что вот такая серенькая старушка – это его жена. Которая полицию вызвала после его смерти. Она все знала в квартире, где что лежит, а потом оказалось, что соседка. Просто ухаживала за ним, помогала по хозяйству. Больше никого не видел.

Опер сжалился над напуганным участковым:

– Ладно, если вспомнишь что-то, любую мелочь, то скажешь. Давай в подъезд, я еще пару минут тут проверю кое-

что, и тоже на выход.

Оставшись один, он прошелся взглядом по длинным полкам с книгами. Стеллажи тянулись вдоль стен, туго набитые строем из книг и журналов. Как в настоящей библиотеке, здесь все делилось на отделы, он помнил это еще с тех времен, когда брал у Журиных книги каждую неделю, проглатывал за пару дней и шел за новой порцией. Вот стена с художественной литературой – здесь шли длинные ряды собраний сочинений, от классиков до зарубежных детективов, которые тогда были редкостью и доставались Лидией с огромным трудом через знакомых спекулянтов. Дальше полки пестрели обложками разноцветных журналов о моде, потертыми корешками редких изданий, огромными размерами иллюстрированных художественных альбомов – отдел книг Лидии. Одна полка на ее стороне была заполнена блеклыми книгами строго по размеру, там Максим хранил свои учебники по шахматам. Бабушка доставала единственному внуку все публикации и издания, что могла найти в столице, поддерживая его горячее увлечение. Третья короткая стена, ближе к окну и креслу, была заполнена фолиантами и книгами по специальности Олега Митрофановича. Здесь же Гуров и нашел то, что искал среди томиков книг. В деревянном декоративном паруснике из черного дерева, подаренном кем-то из гостей в качестве сувенира, Журин хранил визитки. Тогда это была редкость, глянцевые карточки с фамилией и должностью могли позволить себе лишь очень высо-

копоставленные личности. Сейчас же лодка была заполнена огромным ворохом кусочков картона почти до самого верха мачты. Лев осторожно снял сувенир и начал разгребать визитки. Та, что ему была нужна, лежала почти на самом верху. Марина Исаева, страховой агент компании «Русь», адрес, номер офиса, рабочий телефон. То, что нужно, теперь он сможет побеседовать с молодой пассией Олега Митрофановича и наверняка выяснит новые подробности, которые соседка Люся и Максим скрывают от него или просто не знают.

Пока участковый снова опечатывал дверь квартиры, Гуров просмотрел блокнот и вспомнил, что запланировал еще разговор с врачом, который обслуживал этот участок, а значит, мог знать, для чего Журин принимал столько препаратов при хорошем здоровье.

– Ты знаешь, где врач местный живет?

Парень охотно кивнул:

– Конечно, это соседка моя, Ольга Павловна. Хорошая женщина, никому не откажет. Правда, соседи наглеют и к ней чуть не по ночам шастают со своими болячками. Даже пьяные таскаются, чтобы капельницу им поставила, а она женщина мягкая, отказать не может. Я поговорил с такими клоунами, предупредил, чтобы не доставали ее. Пойдемте, она дома должна быть сейчас.

– Почему не на работе? – удивился Лев Иванович, время подходило только к окончанию рабочего дня.

– Больничный у нее, – объяснил участковый. – Упала

неудачно, теперь вот дома со сломанной рукой сидит. Я ей в магазин и в аптеку бегаю после работы. Хорошая женщина, надо помогать.

Гуров шел молча рядом, размышляя, что участковый вполне разумный и доброжелательный парень и навряд ли его рассказ о криках в пустой квартире – попытка очернить как-то Журина или глупая выдумка. Не похож паренек на фантазера или сумасшедшего. Они почти и знакомы-то не были, единственная встреча произошла из-за украденной сумки и закончилась мирной договоренностью. И участковый, и Журин забыли успешно о происшествии.

Возле трехэтажной обшарпанной сталинки парень приподнялся на цыпочки и стукнул в окно:

– Ольга Павловна, к вам гости.

Дородная женщина в теплом халате и цветастой косынке на светлых кудряшках выглянула в окно:

– Андрюша, ты как рано! На обед пришел? Ты забежишь ко мне? Картошки почистить на суп надо, и пообедаем супчиком гороховым. Ой, – она смутилась, увидев незнакомца.

– Здравствуйте, – Лев Иванович сразу представился.

От его должности улыбка с лица женщины исчезла. Она перехватила здоровой рукой без гипса ворот халата у горла:

– А что случилось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.